

Научная статья

УДК 811.161.1'37

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.14306>



## ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВО В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ О «ЦИФРЕ»

Е.В. Маринова  

Нижегородский государственный лингвистический университет  
им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

 [marinova@list.ru](mailto:marinova@list.ru)

**Аннотация.** Рассматривается процесс формирования в русском языке XXI века терминологии цифрового общества. Материалом исследования послужили научные тексты, тексты правительственных документов, медиадискурс. Всего проанализировано свыше 300 единиц разной степени терминологичности. Цель статьи – определить пути и способы формирования терминологии цифрового общества; выявить специфику процесса и сопутствующих языковых процессов: развитие семантики ключевых терминов, идеологизация их значения в медиа, множественность наименований одного и того же референта и её причины, конкуренция вариантов термина. Исследование выполнено в рамках функциональной социолингвистики. Основной метод – структурно-описательный. В результате исследования установлена общая динамика изменения значения ключевых терминов и терминологических элементов: от техницизма к общественно-политической лексике. «Цифровой», «цифра», «цифровые технологии», «цифровизация» в широком контексте общественной жизни осмысливаются как своеобразные идеологемы. Состав терминологических элементов – на фоне актуализации дискурса о «цифре» – расширяется за счёт неофициальных вариантов термина, возникающих прежде всего в медиасреде: «цифра» как цифровые технологии, «биометрия» как биометрические данные, «цифро-» – усечение к «цифровой». Стимулирующим для процесса терминотворчества оказывается и наличие в русском языке разных способов освоения единиц чужого языка, что приводит к появлению дублетности и вариантности: «дигитальный» – «цифровой», «диджитал-»/«дигитал-». Большинство терминологизированных сочетаний, претендующих на статус термина, создаётся с участием преимущественно одного терминологического элемента – «цифровой». Прямые заимствования «дигитальный», «диджитал», «дигитализация» тяготеют к узким профессиональным сферам. Синонимичные отношения в процессе терминотворчества возникают вследствие развития семантики одного из слов-дублетов, переименования под воздействием фактора моды, неодинакового перевода терминологической номинации другого языка. Отмечены неточные и некорректные для адресата термины: «цифровая личность», «цифровой портрет», «цифровой след» как обозначения сбора персональных данных без согласия пользователя. Трудности вербализации идей, составляющих концепцию цифрового общества, вызывает неоднозначно интерпретируемая информация об опасностях и рисках цифровизации.

**Ключевые слова:** русский язык, цифровое общество, формирование терминологии, дискурс, ключевые терминологические элементы, варьирование языкового знака, прагматика термина.

**Финансирование:** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>.

**Для цитирования:** Маринова Е.В. Терминотворчество в русскоязычном дискурсе о «цифре» // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 3. С. 61–79. DOI: 10.18721/JHSS.14306



## TERMS CREATION IN THE RUSSIAN-LANGUAGE DISCOURSE ON “DIGIT”

E.V. Marinova 

Linguistics University of Nizhny Novgorod,  
Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ [marinova@list.ru](mailto:marinova@list.ru)

**Abstract.** The article considers the process of Digital Society terminology formation in the Russian language of the 21st century. The research sources were the scientific texts, official government documents, media discourse. In total, over 300 units of various terminology degree were analyzed. The aim of the article is to identify means of forming the terminology of the Digital Society; to identify the special process features and the concomitant linguistic processes: key terms semantics development, their meaning ideologization in media, the multiple naming of the same referent and its causes, the competition of term variants. The study was carried out within the functional sociolinguistics framework. The main approach is structural and descriptive. As a result, it established the general tendency of meaning change in the key terms and term elements – from technicism to socio-political vocabulary. “Цифровой” (*tsifrovoy* – digital), “цифра” (*tsifra* – digit), “цифровые технологии” (digital technologies), “цифровизация” (*tsifrovizatsiya* – digitalization) in the broad context of social life are understood as peculiar ideologems. In the context of actualized discourse on “digit”, the structure of term elements expands due to informal variants of the term, arising mainly in the media sphere: “цифра” (*tsifra* – digit) as digital technology, “биометрия” (biometriya – biometry) as biometric data, “цифро-” (*tsifro-* – digital-) is a clipped form to “tsifrovoy” (digital). Different ways of learning foreign language units in the Russian language stimulate the process of term creation. It leads to the doublets and variation: “дигитальный” (*digitalnyj*) for “tsifrovoy” (digital), “диджитал-” (*didzhital-*)/“дигитал-” (*digital-*). Most terminologized combinations, considered as terms, are mainly created with the help of one term element “цифровой” (*tsifrovoy*). Direct borrowings “дигитальный” (*digitalnyi*), “диджитал” (*didzhital*), “дигитализация” (*digitalizatsiya*) refer to specific professional fields. During the term creation, synonymous relations arise due to the semantics development of one of the doublets; due to renaming under the impact of a trend: “цифровое правительство” (*tsifrovoe pravitel'stvo* – digital government) instead of “электронное правительство” (*elektronnoe pravitel'stvo* – e-government); due to unequal translation of the terminological nomination from a foreign language: “карта болельщика” (*karta bolel'shchika* – fan card) instead of “паспорт болельщика” (*passport bolel'shchika* – fan ID). The paper notes terms that were inaccurate and incorrect for the addressee: “цифровая личность” (*tsifrovaya lichnost'* – digital identity), “цифровой портрет” (*tsifrovoy portret* – digital profile), “цифровой след” (*tsifrovoy sled* – digital footprint) as designations for the collection of personal data without the user's consent. Difficulties in verbalizing the concepts of the Digital Society are caused by ambiguously defined information about the dangers and risks of digitalization.

**Keywords:** Russian language, Digital Society, terminology formation, discourse, key term elements, variation of the linguistic sign, term pragmatics.

**Acknowledgements:** The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>.

**Citation:** Marinova E.V., Terms Creation in the Russian-language Discourse on “Digit”, *Terra Linguistica*, 14 (3) (2023) 61–79. DOI: 10.18721/JHSS.14306

### Введение

Терминовтворчество, или терминопорождение (терминообразование), как один из процессов номинации обычно связывают с научной сферой, профессиональным (терминологизированным, по выражению В.Д. Табанаковой) дискурсом, при этом отмечается и даже подчёркивается сознательный (а не стихийный, как в случае со словотворчеством) характер этого процесса. «Стихия здесь недопустима, – пишет Л.П. Крысин, – поскольку ведёт к разнобою и в составе терминов,



которые обслуживают данную профессию или область знания, и в их дефинициях, и в соотношении с терминами смежных предметных областей» [1, с. 54].

Наше исследование, посвященное терминологии цифрового общества<sup>1</sup>, лишь отчасти подтверждает эти положения. Действительно, первичной языковой средой, в которой начал формироваться данный пласт лексики, был и остаётся научный дискурс. Так, например, само понятие «цифровое общество» сформировалось в современной **социологии**, в частности в работах М. Кастельса, Н. Селвина, Д. Лаптона, Г. Ловинка, Р. Хассана и др., откуда и пришли в русские тексты сначала английский термин *digital society*, затем его калька *цифровое общество*. Однако обратим внимание на то, что в официальных правительственных документах, представленных на сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (Минцифры), термин не используется<sup>2</sup>, хотя, по сути, деятельность этого министерства направлена на реализацию концепции и модели именно цифрового общества (ЦО), как его понимают учёные, т.е. на последовательный перевод всех социальных институтов и общественных практик в такой формат существования, при котором **обязательным** в общественном взаимодействии становится посредничество компьютерно-интернетовских технологий [5, 6]. В России процесс создания ЦО официально запущен в 2002 году Федеральной целевой программой «Электронная Россия», а в настоящее время модель ЦО реализуется прежде всего в рамках национального проекта, который называется «Цифровая экономика Российской Федерации»<sup>3</sup>. И когда, к примеру, в июле 2023 года впервые абитуриентам предлагалось подать заявления в вузы страны через портал «Госуслуги», попутно сообщалось, что это стало возможно благодаря «Цифровой экономике», хотя, казалось, нововведение касается прежде всего социальной, а не экономической сферы. Таким образом, мы видим ещё один источник формирования терминологии ЦО — тексты правительственных документов, т.е. официально-административный дискурс.

Наконец, в условиях глобальной, или, как её ещё называют, глубокой (deep) или тотальной (total), **медиатизации** информационного пространства<sup>4</sup>, важной лингвокреативной средой для формирования языка ЦО становится язык СМИ. Отечественные информагентства активно работают с зарубежными источниками, используют переводные материалы, которые в дальнейшем тиражируются новостными агрегаторами. И если учесть, что цифровая «повестка» в медиасреде чрезвычайно актуальна, журналисты становятся нередко трансляторами и интерпретаторами новых понятий, связанных с цифровой трансформацией общества, а значит, в какой-то степени создателями языка ЦО<sup>5</sup>. В этом отношении объект нашего исследования, обозначенный нами как терминология цифрового общества, сродни такому пласту лексики, как политическая терминология: номинации, обозначающие специальные понятия этой сферы, актуальны не только для учёных (например политологов), но и для большинства граждан, равнодушных к жизни общества. Не случайно политические события освещаются широко в СМИ, для чего и вырабатывается свой язык, создаются специфические номинации, новые терминообозначения.

Итак, **цель** исследования — определить пути и способы формирования терминологии ЦО; выявить специфику этого процесса и самих номинаций с учётом той языковой среды (тип дискурса), в которой они создаются. Тематическую общность исследуемых текстов условно мы обозначили как *дискурс «о цифре»*.

<sup>1</sup> Предварительные итоги опубликованы в [2–4].

<sup>2</sup> Поисковая система сайта Минцифры обнаружила термин в заголовке информационного сообщения в разделе «Новости» (единичный случай): *Правительство России утвердило проект соглашения об информационном взаимодействии стран – участниц СНГ в области развития цифрового общества* (<http://government.ru/news/40776/>). Примечательно, что в тексте самого правительственного документа (Распоряжение от 31 октября 2020 №2846-р) термин не встретился, однако неоднократно использовано сочетание *цифровое развитие общества*.

<sup>3</sup> <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/>

<sup>4</sup> См., например, [7, 8].

<sup>5</sup> Так, именно в прессе ещё в 90-х годах XX века появилось компактное обозначение цифровых технологий (сам термин *цифровые технологии* был скалькирован с английского выражения *digital technology*) – *цифра*, которое мы сочли возможным ввести в название статьи.



Отметим, что в ряде работ отечественных учёных вопросы терминологии ЦО уже поднимались. Эти вопросы касались отдельных терминов, их семантического наполнения, прагматики, степени семантической прозрачности. В частности, на сегодняшний день исследованы в указанных аспектах термины *искусственный интеллект*, *экосистема*, *цифровая экономика*, *цифровая цивилизация*, *цифровая личность*, *кьюар-код*, *digital*, *нейросеть* [9–17]. В нашем исследовании акцент делается на специфике процесса номинации в **разных** типах дискурса, а также на особенностях формирования терминологии ЦО в целом.

### Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили научные тексты (по социологии, политологии, теории сетевой культуры); тексты правительственных документов, представленных на сайте Минцифры<sup>6</sup>; медиатексты, содержащиеся в электронном медиабанке «Интегрум» (сервис «Архив СМИ»). Всего проанализировано свыше 300 единиц (не считая их формальных вариантов) разной степени терминологичности, например: *цифровизация*, *цифровая трансформация*, *биометрия*, *ИИ*, *цифровой портрет*, *цифровая личность* и под. Под **терминологичностью**, вслед за Б.Н. Головиным и Р.Ю. Кобриным, понимаем способность номинации восприниматься в качестве термина — языковой единицы, однословной или развёрнутой, обозначающей специальное понятие определённой отрасли знания [18, с. 60]. Это качество, как отмечают исследователи, может проявляться в разной степени, однако в рамках данного исследования мы не ставили цель распределить терминологические номинации с этой точки зрения<sup>7</sup>, поскольку состав номинативных средств, обслуживающих концепцию ЦО, находится в настоящее время на стадии формирования. Исходя из этих соображений, в исследовании мы используем термины *терминологическая номинация* и *термин* как синонимы.

Основными этапами исследования были следующие:

- определение состава ключевых терминов и терминоположений языка ЦО — строевых единиц для новых номинаций;
- фиксация терминологических номинаций, обозначающих реалии и понятия ЦО, в ходе объектного поиска (прежде всего по ключевым словам и терминоположениям) в трёх электронных ресурсах: Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU»; сайт Минцифры; «Интегрум»;
- анализ парадигматических связей единиц (выявление синонимов, дублетов, вариантов среди номинаций с общей референтной отнесённостью);
- анализ номинаций по параметру «своё — чужое»;
- изучение семантики и прагматики ключевых терминов на основе дискурс-анализа.

Исследование выполнено в рамках функциональной социолингвистики. В качестве основного избран структурно-описательный метод с применением методики выявления социокультурной и когнитивной обусловленности процесса номинации [20]. Использовались такие виды лингвистического анализа, как семантический, словообразовательный, этимологический, дискурсивный. Полученные данные потребовали также их сопоставления, т.к. были обнаружены некоторые различия в наблюдаемом процессе терминотворчества в разных дискурсах (научном, официальном, медийном).

### Результаты исследования

Представляем основные итоги исследования.

1. Установлена общая динамика изменения значения ключевых терминов и терминоположений (от техницизма к общественно-политической лексике).

<sup>6</sup> URL: [https://digital.gov.ru/?utm\\_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f](https://digital.gov.ru/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f) (дата обращения: 03.07.2023).

<sup>7</sup> На самом деле, проблема определения терминологичности языкового знака относится к одной из наиболее актуальных ещё со времён формирования в отечественно лингвистике такого раздела, как терминоведение. Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин в постановке этой проблемы использовали понятие «термины речи» [18, с. 60]; В.М. Лейчик и С.Д. Шелов — «предтермины» [19, с. 29]. В исследованиях современного состояния русского языка используется нередко выражение *терминологизированное сочетание* 'о воспроизводимой раздельно оформленной номинации понятия, выполняющей функции термина'.



2. Состав терминологических элементов – на фоне актуализации дискурса о «цифре» – расширяется за счёт неофициальных вариантов термина, возникающих прежде всего в медиасреде. Стимулирующим для терминотворчества оказывается наличие в русском языке разных способов освоения единиц чужого языка, что приводит к появлению дублетов и/или вариантов термина.

3. Большинство терминологизированных сочетаний (87% от общего количества), претендующих на статус термина, создаётся с участием преимущественно одного терминологического элемента – *цифровой*. Прямые заимствования *дигитальный*, *диджитал*, *дигитализация* тяготеют к узким профессиональным сферам.

4. Синонимические отношения в процессе терминотворчества возникают вследствие развития семантики одного из слов-дублетов; переименования под воздействием фактора моды (*цифровое правительство* вместо *электронное*); вследствие неодинакового перевода терминологической номинации другого языка.

5. Выявлены прагматические различия некоторых терминологических единиц, обусловленные типом дискурса, в которых они создаются или/и используются (наличие/отсутствие коннотации, стилевая окраска, актуализация определённого ЛСВ).

### Обсуждение

I. В ходе исследования прежде всего был установлен состав ключевых терминов и терминологических элементов, семантика которых отражает основную идею преобразований, происходящих в обществе в связи с поистине революционными изменениями в техносфере. Это ядро терминологии ЦО, да и в целом терминологии цифровой эпохи: *цифровые технологии*, *цифровизация*, *цифровой* (терминологический элемент), *цифра* 'цифровые технологии', *цифровая трансформация*.

Все они функционировали в русском языке уже в 90-е годы XX века, по происхождению – кальки английских слов и сочетаний (кроме слова *цифра*); по семантике – **техницизмы**: их значения соотносятся со сложнейшими понятиями сферы высоких технологий последнего времени. См., например, толкование (первое и на момент исследования единственное, если говорить о словарях «общего пользования») слова *цифровой* (< *digital*) в словаре актуальной лексики начала XXI века (АЛ)<sup>8</sup>: «переводящий информацию в двоичный код с помощью электронных систем; предназначенный для обработки, хранения, передачи и т.п. такой информации», и далее – все примеры употребления также технического характера (*Многофункциональные ц. копирующие аппараты. Ц. телефонная станция. Ц. пейджер. Ц. магнитофон. Ц. видеокамера. Ц. сотовый стандарт GSM. Ц. носители данных. Ц. компьютер, ц. монитор. Ц. спутниковое телевидение. Ц. фотография*). Слово *цифровизация* (< *digitalization*) в АЛ не зафиксировано, хотя в прессе оно стало употребляться, согласно «Интегруму», с 1992 года (в толковых словарях общего типа не зафиксировано также). Значение этого техницизма толкуют авторы-составители другого лексикографического издания – словаря-справочника по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века «Новые слова и значения»<sup>9</sup> (НСЗ): «ЦИФРОВИЗАЦИЯ... Переход на цифровой способ связи, передачи данных и записи информации; оцифровка».

В конце XX века неологи фиксируют семантическое преобразование существительного *цифра*. Согласно НСЗ, оно употреблялось в СМИ в конце 90-х в нескольких значениях (см. далее). Что же касается способа его появления в русской речи, это, в отличие от слов *цифровой* и *цифровизация*, уже «отечественная продукция», неосемантизм, образованный компрессией развёрнутого наименования<sup>10</sup>. Но какого? См.: «ЦИФРА... 1. То же, что цифровой формат, цифровой

<sup>8</sup> Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. М.: ЭКСМО, 2006.

<sup>9</sup> Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века / отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. Т. 3.

<sup>10</sup> Таким же способом образованы в медиадискурсе наименования «старых», доцифровых технологий, необходимые (особенно в журналистских материалах, поддерживающих цифровизацию) для создания важнейшей в периоды социальных преобразований оппозиции «старое – новое». *Аналог, плёнка* – вместо *аналоговые технологии, плёночная технология* (в кинематографе, фотографии); см. также заголовок: *Вместо пластика (пластиковой карты. – Е.М.) цифра: как экономить на цифровой банковской карте?* (Bankiros.ru. 14.06.2021). Подробнее об этом мы пишем в [2].



способ записи. 2. То же, то цифровые технологии. 3. Теле-, радиовещание, телефонная связь, осуществляемые цифровым способом. 4. Устройство, работающее на основе цифровых технологий; цифровое устройство; цифровик. 5. Аудиозапись, фотографии, рисунки, текст и т.п., записанные цифровым (электронным) способом» (НСЗ).

Как видим, первоначально у слова *цифра* отмечалось несколько лексико-семантических вариантов (ЛСВ), каждый из которых соотносился с определённой развёрнутой номинацией. Однако впоследствии некоторые значения устарели (фотоаппараты и видеокамеры мы уже не называем цифровыми — других у современного человека и не бывает, так же как и радио, телевидение, телефония) и, напротив, чрезвычайно активизировалось употребление слова *цифра* (как существительное *Singularia Tantum*) в значении ‘цифровые технологии’, хотя в текстах официальных документов Минцифры *цифра* не используется вовсе, если не считать, что оно входит в состав сокращённого наименования самого министерства. В научном дискурсе *цифра* употребляется как неофициальный (или полуофициальный?) вариант составного термина *цифровые технологии*, часто в кавычках и всегда в качестве дублирующего наименования, например, для разнообразия речи. Основная сфера его применения — язык СМИ, медиатексты, где *цифра* может и не заключаться в кавычки.

**Семантические изменения** произошли и с кальками *цифровой*, *цифровизация*, причём если в случае со словом *цифра* мы наблюдаем сокращение семантической структуры, то у названных выше слов она, напротив, пополняется новыми ЛСВ. Так, *цифровой* в дискурсе XXI века реализует, наряду с первичным, ещё несколько значений, а именно:

- ‘осуществляемый, реализуемый, существующий в интернет-пространстве’ — *цифровые медиа*;
- ‘осуществляющий свою деятельность в интернет-пространстве’ — *цифровой педагог*;
- ‘переведённый в цифровой формат’ — *цифровая подпись*;
- ‘связанный с использованием ИТ, компьютерно-интернетовской технологии; имеющий к ней отношение’ — *цифровая социализация*;
- ‘опирающийся, основанный на цифровых технологиях’ — *цифровая медицина* [3].

Слово *цифровизация* обозначает не только оцифровывание (оцифровку) как конкретную технологическую процедуру, но и — шире — внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни, в том числе государственное управление. Иными словами, при использовании слова более актуальным становится его «общественно-политическое» значение (особенно это заметно в медиа и научном дискурсе), в котором слово воспринимается как официальное наименование магистрального направления государства на последовательную трансформацию жизни общества в контексте цифровых технологий. Этот же смысл передают ставшие уже публицистическими штампами обороты *переход(ить) «на цифру»/переход(ить) на цифру, переход «к цифре»/переход к цифре*.

Общественно-политическое звучание приобретает и само прилагательное *цифровой*. Первоначально в качестве техницизма оно выступало синонимом к подобным же техницизмам *электронный*, *компьютерный* по отношению к референтам технической сферы (ср. *электронный/компьютерный/цифровой способ записи; электронное/цифровое устройство*). В дальнейшем, широко сочетаясь с лексикой общественной сферы (*изоляция, государство, гражданин, личность, молодёжь, неравенство, поколение, правительство, социализация, суверенитет* и др.), прилагательное стало выполнять и другую функцию — быть своего рода маркером степени включённости референта в современные общественные процессы, уже не только опосредованные высокими технологиями, но, можно сказать, **базирующиеся** на их фундаменте.

На наш взгляд, в отношении рассмотренных слов следует говорить об общей динамике развития их семантики, об их общем пути — **от техницизма к общественно-политической лексике**.

Особенно заметна приобретаемая ими «публицистичность» в так называемом **антицифровом дискурсе** — дискурсе противников цифровой трансформации жизни в той или иной её области<sup>11</sup>. Например, в одном из постов информационно-политического коллективного блога «Континент-

<sup>11</sup> О зарождении антицифрового сопротивления в России см. [21].



талистъ», с характерным для антицифрового дискурса заголовком «“Игры будущего” от трансгуманистов: Правительство России выделяет миллиарды на уход человека в цифру и слияние с машиной», терминологический элемент *цифровой* используется, причём неоднократно, явно неодобрительно, в резко ироническом контексте, о чём говорят, например, выделенные фрагменты; см.:

(1) *На прошлой неделе **цифровой вице-премьер** Дмитрий Чернышенко доложил своему командиру **цифровой трансформации** — премьеру Михаилу Мишустину о подготовке к проведению международного турнира по фиджитал-спорту «Игры будущего», который состоится в Казани в 2024 году («Континенталистъ» (continentalist.ru). 24.02.2023);*

(2) *И [необходимо] двигать среди подрастающего поколения живой, настоящий, физический спорт, развивающий личность, закаляющий тело и дух, а не **цифровой суррогат**, поглощающий время и силы впустую, направляющий молодежь по небезопасной развлекательной стезе — с виртуальным насилием, жестокостью и т.д.* (там же)<sup>12</sup>.

С предложения 1 начинается этот текст, и его критическую тональность сразу задаёт ироничное переименование должности — *цифровой вице-премьер* (вместо *вице-премьер*), в котором прилагательное использовано со сдвигом в значении (вследствие метонимии) явно как экспрессивное средство, а не термин.

Этот и подобные ему примеры показывают, что словесным оружием авторов протестного дискурса становятся те самые ключевые слова языка ЦО, которые в официальном дискурсе выполняют главную смыслообразующую функцию (играют роль носителя основной идеи — последовательной трансформации жизни на базе ИТ). Например, ключевой термин *цифровизация* в антицифровом дискурсе наделяется оценочными эпитетами *насильственная* (*насильственно внедряемая*), *принудительная*, *насаждаемая*, «*человекохищническая*»; кроме того, некоторые авторы пишут это слово исключительно в кавычках, подчёркивая тем самым сомнительный характер — с точки зрения сохранения традиционных гуманитарных ценностей [21, 22] — заявленного государством курса; см., например, заголовок *Об опасности современной «**цифровизации**»* и далее:

(3) *Усиливающийся электронный контроль над всей жизнью человечества, грозящий превратить его в стадо биороботов, порождает сопротивление этому, в том числе в области публицистики о тоталитарной сущности т.н. «**цифровизации**»* (Русская идея. 24.01.2022).

Скептическое отношение к происходящим преобразованиям передаёт и квинтация (заключение в кавычки) другого ключевого термина — *цифровая трансформация* (< *digital transformation*)<sup>13</sup>. В качестве иллюстрации приведём фрагмент статьи, весь пронизанный язвительной иронией:

(4) *Примечательно, что обсуждению печального ПФЗ о биометрии предшествовал парламентский час в Думе с отчетом пока еще не подсудимого и даже не снятого с должности министра цифры Максута Шадаева о том, как его ведомство прекрасно выполняет «национальную цель» развития под названием «**цифровая трансформация**»* (Мы за это воюем? Цифросектанты продавали возможность торговли нашими лицами: несмотря на мощное народное сопротивление, законопроект о ЕБС прошел второе чтение. Православный апологет (apologet.spb.ru). 22.12.2022).

И ещё одна подобная иллюстрация:

(5) *Его разбор* (имеется в виду законопроект «О российском движении детей и молодежи “Большая перемена”». — Е.М.) *достойн отдельного материала, пока же упомянем, что все трое сенаторов из коллектива авторов документа печально известны как лоббистки «**цифровой трансформации**» образования* (Новая педология: Кириенко и Ко приготовили «Большую перемену» в жизни наших детей. Континенталистъ (continentalist.ru). 21.05.2022).

<sup>12</sup> Речь идёт о критическом отношении к новому виду спорта в России, названному его представителями *фиджитал* (*digital + physical <sport>*): он совмещает компьютерные игры и элементы физического спорта.

<sup>13</sup> По нашим наблюдениям, в текстах официальных документов Минцифры он встречается чаще, чем *цифровизация*, и имеет более широкий круг распространителей: *цифровая трансформация госкомпаний <госорганов, образования, организаций, производственных процессов, социальной сферы, услуг>*.



И напротив, в материалах СМИ, ориентированных на освещение официальной линии государства, и в специальных тематических изданиях, посвящённых IT, та же ключевая лексика получает положительные коннотации, поскольку суть происходящего интерпретируется как движение к прогрессу, светлому цифровому будущему. См.:

(6) *Создатель NFT, Сара Цукер: аналоговое прошлое шоу Сары встречается с головокружительным цифровым будущим...* (Reddit запускает контракты с аватарами Gen3NFT на Polygon. Cryptohamster (cryptohamster.org). 06.04.2023).

Такая мелиорация закрепляется в виде устойчивых медийных клише вроде *всеобщая цифровизация России, полная цифровизация страны, победа цифры* — в духе политических лозунгов советской эпохи [2]. См., например:

(7) *2021 год — это год экосистем, год победы цифры... Каждый житель России стал чувствовать себя сопричастным к цифре. Если провести аналогию с историей, 2021-й стал годом тотальной победы цифровой экономики... <...> фактор пандемии привел к ускорению — и государство активнее развернулось в сторону цифровизации. Если в начале пандемии это было скорее вынужденно, то сейчас оно получает некий «дофаминовый кайф» от того, что оно что-то успешно сделает в цифре, а народ в ответ кричит «ура-ура». <...> Народ распробовал цифровизацию — и сейчас мы находимся в таком резко восходящем тренде* (Герман Клименко — о победе цифры, технологических перспективах России и IoT. Экономика (komersweb.ru). 01.03.2022).

Исходя из этих наблюдений, считаем, что в современных условиях *цифровой, цифра, цифровизация* выступают в русской речи в функции **идеологем**, что никак не проявляется, кстати, у их генетических соответствий — заимствований *дигитальный, дигитализация* (их мы коснёмся далее). Как известно, лингвоидеологемы обычно «обслуживают» дискурс обоих противоположных лагерей, как сторонников, так и противников той или иной идеи, вот только коннотация в эти, казалось бы, общие средства закладывается разная — со знаком «плюс» и со знаком «минус». Именно эта картина наблюдается и в случае с ключевой лексикой ЦО, что особенно заметно в медийном дискурсе: коммуникативно значимым становится прежде всего идеологический компонент семантики и сопутствующий иллюкутивный заряд ключевых терминов, а не их строго понятийное значение, отражающее связь с новой (не аналоговой) технологией.

С этой точки зрения рассмотрим ещё один важный элемент анализируемого пласта лексики, а именно усечённый вариант прилагательного *цифровой* — *цифро-*. Он тоже, говоря иносказательно, ведёт двойную жизнь. С одной стороны, его активно эксплуатирует сфера нейминга в качестве препозитивного словообразовательного форманта (аффиксоида). В многочисленных эргонимах (названиях компаний, услуг, программ и под.) — «*Цифробанк*», «*Цифробонус*», «*Цифролаб*», «*Цифроникель*» и т.п. — с помощью *цифро-* подчёркивается не столько технологическая база называемого объекта, сколько, на наш взгляд, его сопричастность веяниям времени, современность, а значит, престижность. С другой стороны, аффиксоид *цифро-* ещё более, чем в нейминге, востребован в антицифровом дискурсе. Здесь он используется, во-первых, в создании более компактных вариантов составных номинаций официального дискурса (*цифрообразование* к *цифровое образование*); во-вторых, — вokkaзиональном словотворчестве (*цифроразрушение, цифрофашизм, цифроконцлагерь*) [22]. И те и другие номинации являются средством выражения критического отношения к «цифровой» действительности, хотя на первый взгляд обозначения типа *цифрообразование* не содержат отрицательной оценки. Однако если учесть, что в официальном дискурсе (правительственные документы; СМИ, их освещающие), как и в научной литературе, компактные варианты составных терминов **не используются** вовсе, становится заметно стремление автора протестного материала намеренно занизить значимость обозначаемого развёрнутой номинацией референта. То есть, к примеру, информационное сопровождение готовящегося с конца 2022 года к принятию законопроекта о внедрении цифрового рубля в России основывалось строго на положениях, а значит, и терминологии документа: соответственно в центральных СМИ («Российская



газета», «Известия» и под.) воспроизводился только термин *цифровой рубль*. Параллельно с этим в антицифровых материалах (а степень их иронической тональности мы уже представили в примерах 1–4, 7) вместо официального термина (или наряду с ним) использовался вариант *цифрорубль*: в критически заряженном контексте этот простой способ свёртывания номинации становился сигналом скептического, пренебрежительного отношения к обозначаемому. Точно такая же ситуация наблюдается с другими подобными сокращениями: *цифрорплата* к *цифровая платформа*; *цифробразование* к *цифровое образование*; *цифроправление* к *цифровое правительство*; иной словообразовательной структуры, но тоже сокращение *цифрономика* (контаминация) к *цифровая экономика* и др. Вот небольшая иллюстрация:

(8) *В персонализированной модели образования от Сбера заложены алгоритмы уничтожения профессии учителя путем нивелирования его участия в образовательном процессе, перехода на самообразование школьников на цифрорплатформе под контролем машинного алгоритма, постепенный демонтаж традиционной системы передачи знаний «ученик – учитель»* (Новая педология... Континенталист (continentalist.ru). 21.05.2022).

Особо следует отметить роль форманта *цифро-* в создании номинаций лица. Такие номинации встречаются в дискурсе как противников, так и сторонников цифровизации (т.е. опять мы видим важнейший признак лингвоидеологем). В протестном дискурсе новообразования с *цифро-* именуют идеологов цифровой культуры. Это *цифроглобалисты*, *цифросектанты*, *цифрофашисты*, *цифробесы*, *цифролоббисты* и т.д. У представителей противоположного лагеря, отстаивающих свои позиции в ответ на критику «антицифровиков», свои средства, но с тем же формантом *цифро-*: *цифроруддисты*, *цифроанархисты*, *цифрофобы*.

Таким образом, проведённое исследование выявило специфику ключевых терминов ЦО с точки зрения динамики их семантического развития и прагматики.

II. Отдельного рассмотрения заслуживают выявленные в ходе изучения терминотворчества **парадигматические отношения** между создаваемыми номинациями: вариантность, дублетность, синонимия. Все три явления свидетельствуют о неустоявшемся характере анализируемой терминологии, начальном этапе её формирования. В когнитивном же плане множественность наименования одного и того же объекта (поиск наиболее адекватного, точного обозначения) нередко означает эвристический тип познавательной деятельности человека, подвижность мышления при восприятии нового, творческий потенциал мысли. Однако в языке науки обозначение одного и того же понятия разными терминами считается нецелесообразным, чему посвящена обширная литература по терминоведению. В то же время, учитывая специфику языка ЦО (как мы уже отмечали, его употребление выходит за рамки строго определённой научной области), мы признаём, что наличие у термина вариантов (в широком смысле) может быть вызвано дискурсивной необходимостью, стилистическим удобством, как в случае с парой *цифровые технологии – цифра*.

Далее мы приведём ещё несколько подобных примеров и рассмотрим в основных чертах обнаруженные парадигматические связи.

**Вариантность** – видоизменение (модификация) внешней формы термина при сохранении тождества значения. Формальные различия проявляются в фонемном составе (*биткоин/биткойн*), графическом оформлении (*ИТ/ИТ; метавселенная/Метавселенная; Большие данные/большие данные*), грамматических признаках (*копипаст/копипаста; отключить голосовой помощник/голосового помощника*). К вариантам одного и того же термина мы относим и *цифровой – цифро-*, рассматривая последний, о чём уже говорилось, как усечение; соответственно вариантами являются единицы в таких парах, как *цифровой рубль – цифрорубль, цифровые деньги – цифроденьги* и под. Вслед за В.М. Лейчиком вариантами составных терминологических номинаций считаем их всевозможные сокращённые формы [23] – те самые случаи коммуникативного удобства и целесообразности, о которых говорилось выше. Например, в нашем материале это *цифра* к *цифровые технологии, биометрия* к *биометрические данные, нейросеть* к *нейронная сеть, ИИ* к *искусствен-*



ный интеллект, ИТ к информационные технологии, ЕБС к Единая биометрическая система, ПД к персональные данные, ЭЦП к электронная цифровая подпись. Как правило, компактный вариант развёрнутого наименования сопровождает свою полную версию в рамках одного и того же текста.

В создании терминологической лексики, наряду с ключевым термином элементом *цифровой*, используются различные варианты адаптации на русской почве англицизма *digital*: транслитерированный вариант *дигитал-*, грамматически не оформленный; транслитерированный, грамматически оформленный вариант *дигитальный*; варианты, переданные с помощью практической транскрипции: *диджитальный* и *диджитал-* (оформленный и не оформленный грамматически). Наконец, англицизм может быть представлен в русском тексте в своей оригинальной графике (иноязычное вкрапление). Все перечисленные модификации используются для создания атрибутивных конструкций: *дигитальный* ведёт себя как обычное прилагательное, остальные варианты выступают в роли неизменяемого атрибута. По сравнению с калькой *цифровой*, эти заимствования значительно реже встречаются в речи и, что особенно важно, в текстах официальных документов они не используются. Их можно увидеть в языке СМИ и научном тексте. Журналисты активно используют вкрапление (с вариантами написания, различающимися прописной/строчной начальной буквой, наличием/отсутствием дефиса): *digital-проекты*, *digital инструменты маркетинга*, *digital-маркетинг*, *Digital-стратегии* и под. — в текстах, тематически связанных с бизнесом, развитием экономики. В последнее время отмечается активизация варианта *диджитал-* (*диджитал-арт*, *диджитал-дизайн*, *диджитал-специалист*); возможно, это объясняется тем, что в сфере маркетинга специалисты используют *диджитал*<sup>14</sup> как существительное, обозначающее отдельное направление в работе компании (продвижение, продажа и реклама продукта на базе цифровых технологий):

(9) *Все больше людей переходят на работу в диджитал, каждый день появляются все новые и новые профессии и направления деятельности...* (<https://news.itmo.ru/ru/news/9268/>);

(10) *Профессии в диджитале можно разделить на пять направлений...* (<https://practicum.yandex.ru/blog/rabota-v-digital-sfere/>).

Реже используется транслитерированный вариант *дигитал-* (*дигитал-услуги*). В ряде случаев отмечается также вариантность графического оформления одной и той же номинации, при которой термины различаются алфавитом (*digital-профессии* и *диджитал-профессии*), причём иногда в пределах одного и того же медиатекста. В научном дискурсе используется *дигитальный* (см. примеры далее).

Разнообразие вариантов атрибутивного компонента приводит к вариативности номинаций. Представим некоторые примеры из нашей коллекции: *digital-агентство/диджитал-агентство*; *digital-активность/диджитал-активность*; *digital-дизайнер/диджитал-дизайнер*; *digital-компания/диджитал-компания*; *digital-маркетинг/диджитал-маркетинг*; *digital-подрядчик/диджитал-подрядчик*; *digital-продукт/диджитал-продукт*; *digital-революция/диджитал-революция/дигитальная революция*; *digital-рекрутмент/диджитал-рекрутмент*; *digital-профессия/диджитал-профессия*; *digital-специалист/диджитал-специалист* и т.п. Вариантность на этом небольшом участке терминосистемы объясняется наличием в языке разных способов оформления, русификации иноязычного лексического материала, которой обычно предшествует стадия вкрапления (графического заимствования). Варьируются по этой причине и *дигитализация* — *диджитализация* (заимствование, восходящее к английскому *digitalization*): *дигитализация бизнеса* — *диджитализация бизнеса*.

В целом можно заметить, что функционирующие в русской речи варианты «вхождения» *digital* сочетаются с ограниченным кругом слов — как правило, в составе терминов определённых профессиональных сфер (бизнес, коммерция).

<sup>14</sup> Встречается и в виде вкрапления, например: *Пять правил Digital* (Альбрехт Н. «Пять правил Digital»: Доклад на XVII Саммите HR-директоров России и СНГ. 06.07.2016. URL: <https://www.hr-summit.ru/ru/konferentsii>).



**Дублеты** (или иногда триплеты) представляют собой разные в формальном отношении единицы (разные корни или/и аффиксы у однословных терминов; неодинаковый лексический состав — у развёрнутых номинаций), что отличает их от вариантов. Однако семантически дублеты (их ещё интерпретируют как абсолютные синонимы) тождественны, как и варианты. Например: *оцифровывание* — *оцифровка* (НСЗ); *цифровое общество* — *цифровой социум*, *персональные данные* — *персональные сведения*.

В терминологии различных наук дублеты зачастую представляют собой пару «заимствованное (интернациональное) — исконное», причём к исконным условно относят и кальки (*объект* — *предмет*, *позитивный* — *положительный* и под.). В анализируемой нами лексике такой парой является заимствование *дигитальный*<sup>15</sup> и калька *цифровой* в значении ‘переводящий информацию в двоичный код с помощью электронных систем; предназначенный для обработки, хранения, передачи и т.п. такой информации’ (АЛ). Вот характерный контекст с заимствованием, которое вполне можно заменить его дублетом:

(11) *Nokia изготавливает телефонные аппараты для всех крупных аналоговых и дигитальных систем во всём мире* (Московские новости. 1996. №6); см. также пару: *дигитальная революция* — *цифровая революция*.

Исследуя случаи употребления этого заимствованного прилагательного по базе «Интегрум», мы предположили, что на заре новой технологической революции («цифролюции», по выражению Ю. Стракович) прямое заимствование от *digital* имело все шансы закрепиться как ключевой терминологический элемент языка высоких технологий (в некоторых языках заимствованный англицизм утвердился как единственное обозначение — см. в чешском *digitální technologie*, в венгерском *digitális technológiák*). Однако впоследствии калька *цифровой* вытеснила прилагательное *дигитальный* на периферию. Почему этого не произошло сразу? Возможно, это объясняется тем, что у слова *цифровой* есть и другие значения, не связанные с ИТ. Понадобилось время для того, чтобы новое значение слова стало привычным. Как носитель языка сошлюсь на свои ощущения тридцатилетней давности, когда, например, выражение *цифровой фотоаппарат* вызывало недоумение — где же в нём цифры.

Вернёмся к слову *дигитальный*. В официальном дискурсе оно не используется, что подтверждает поисковая работа на сайте Минцифры; в СМИ его употребление в настоящее время значительно уступает слову *цифровой*. В научном дискурсе заимствование встречается в составе отдельных специальных обозначений, что говорит о том, что некоторый терминологический потенциал прилагательное сохраняет. Так, термин *дигитальная архитектура* обозначает одно из направлений в современной архитектуре, основанное на использовании компьютерного программирования, моделирования и визуализации объектов (spravochnik.ru); термин *дигитальная рассылка* ‘отправка официальных сообщений компании электронной почтой или через сервис SMS физическому лицу’ используется в диджитал-маркетинге (<https://haifainfo.com/?p=188426>). Термин *дигитальный язык* вводит Н.И. Клушина (наряду с сочетанием *дигитализация языка*) для обозначения языка интернет-коммуникации [24]<sup>16</sup>; в лингвистической литературе встречается и более компактный термин в этом же значении *дигилект*, от *диги*<тальный> + <диа>*лект* (ср.: *социолект*, *идиолект*, *региолект*).

Таким образом, дублетность *дигитальный* — *цифровой* имела временный характер, поскольку доминанта уже выделилась, а именно слово *цифровой* как терминологический элемент большинства официальных составных терминов (см., например, извлечённые из документов Минцифры *цифровая грамотность*, *цифровая зрелость регионов <предприятий, субъектов, государственного управления...>*, *цифровая индустрия*, *цифровые компетенции*, *цифровое неравенство*, *цифровой разрыв*,

<sup>15</sup> Первые словарные фиксации см. в «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном» Т.Ф. Ефремовой (М.: Русский язык, 2000) в значении «числовой, цифровой; в числовом выражении (в информатике)» и в «Словаре иностранных слов» того же года издания Н.Г. Комлева (М.: ЭКСМО-Пресс) в составе номинации *дигитальные* (= электронные) часы.

<sup>16</sup> Вариант термина: *диджитал-язык* см. в [25].



*цифровое сотрудничество* и др.). Это замечание справедливо и по отношению к аналогичной с точки зрения генезиса паре *дигитализация/диджитализация – цифровизация*. Заимствованное существительное в официальных текстах не используется, в медиадискурсе уступает по частности кальке. Встречается в научных текстах (*диджитализация производства, образования*), в изданиях специальной, профессиональной тематики (*дигитализация телевидения, компании; диджитализация страхования* (в банковской сфере), *продаж, рынка*), сохраняя своё исходное техническое значение, тогда как слово *цифровизация* развило ещё одно значение (см. п. I).

Не выдерживает конкуренции в отношении кальки *цифровой* иноязычное вкрапление *digital-*: в парах *цифровое общество – digital-общество, цифровое будущее – digital-будущее, цифровая революция – digital-революция, цифровая реальность – digital-реальность* и подобных номинации с русским словом преобладают. В паре *виртуальный помощник – виртуальный ассистент* (неточные кальки английского термина *digital assistant*) составной термин с существительным *помощник* оказывается более предпочтительным (ср. также название сервиса в мессенджерах – *голосовой помощник*).

**Сохраняется** дублетность терминологических номинаций в следующих парах: *цифровые абorigены – цифровые туземцы* 'о представителях молодого поколения, с раннего детства осваивающих цифровую технику и технологию' (кальки термина Марка Пренски *digital natives*); *IT – информационные технологии* (аббревиатура-вкрапление – калька; *IoT (< Internet of Things) – интернет вещей* (то же); *цифровые следы – электронные следы* (точная и неточная, как в примере 12, калька англ. *digital footprint*); *Big Data – Большие данные/большие данные* (вкрапление – калька: в примере 13 заметна попытка «осмыслить» её грамматически, присвоив род), см.:

(12) *Бастрыкин хочет создать спецучёт электронных следов в борьбе с преступностью* (заголовок; Российская газета. 26.12.2022);

(13) *Наша Big Data ежегодно фиксирует увеличение количества туристов, въезжающих в регион...* (13.01.2023. АиФ – Башкортостан).

Итак, даже небольшой, ограниченный рамками статьи обзор материала, посвящённого дублетности наименований в дискурсе «о цифре», даёт, на наш взгляд, представление о живых процессах терминотворчества: на каких-то участках номинативной системы языка дублеты п(р)оявляются и функционируют на равных правах; в каких-то случаях дублетность трансформируется в синонимию.

В нашем исследовании под **терминологической синонимией** понимается семантическая близость номинаций, основанная на общности их денотативного (объектного) значения при несовпадении значения понятийного. Термины-синонимы, обозначая один и тот же объект, актуализируют, формируют разные признаки понятия, связанного с этим объектом. Такое несовпадение объясняется неодинаковым объёмом значения составляющих синонимичные единицы элементов – морфем, в том числе корневых; слов (в случае составной номинации). Термины-синонимы могут быть предельно близки по значению, что затрудняет для исследователя решение вопроса о разграничении синонимов и дублетов, синонимов и вариантов. Принципиальными для такого разграничения, на наш взгляд, являются следующие моменты:

- в отличие от вариантов, синонимы и дублеты всегда разные языковые знаки;
- в отличие от дублетов синонимы не тождественны по значению (имеется в виду понятийное значение) [26].

Синонимия может развиваться внутри дублетной пары, что, например, произошло в случае с терминологическими *цифровой – дигитальный, цифровизация – дигитализация*. Такой процесс – следствие развитие семантики одного из слов в каждой паре. Подвижные, изменчивые связи между обозначениями одного и того же денотата (референта) соответствуют в целом характеру языковой системы. Процесс может сопровождаться не только дифференциацией значений, но и расхождением в синтагматике, стилевой окраске, прагматике, что мы показали выше, анализируя данные пары.



Ещё одна причина появления в ходе номинирования объектов и понятий синонимов – создание авторами текстов **параллельных обозначений** одного и того же. Например, введённый в период пандемии коронавирусной инфекции формат голосования посредством интернета получил официальное название *онлайн-голосование* (вариант, встречающийся в прессе: *онлайновое голосование*). Наряду с официальным названием, журналисты использовали также выражение *электронное голосование*. Как видим, референция одна и та же, однако отдельными семантическими признаками значения этих двух номинаций всё же различаются. Наличие в составе термина компонента *онлайн-* означает не только заочную форму голосования в интернете, но и режим реального времени, тогда как номинация *электронное голосование* сему ‘в режиме реального времени’ не актуализирует. Подобными незначительными, казалось бы, оттенками различаются терминологизированные сочетания в парах *цифровой гражданин – цифровой человек* ‘о человеке, осуществляющем свою деятельность посредством цифровых технологий, гаджетов’; *цифровые пессимисты – технопессимисты* ‘о тех, кто не верит в положительное влияние цифровых технологий на развитие общества’; *цифровые луддиты – неолуддиты* ‘о противниках цифровизации’ (используются как в научном, так и в медиадискурсе)<sup>17</sup>.

Что касается слова *онлайн-*, заметим, что в качестве его синонима может выступать актуальное слово 2020 года *дистант-* (< *дистанционный*), обозначающее одно из ключевых понятий коронавирусной эпохи. Отсюда целая группа равнозначных наименований: *онлайн-курс – дистант-курс, онлайн-обучение – дистант-обучение, онлайн-подключение – дистант-подключение, онлайн-режим – дистант-режим, онлайн-секция – дистант-секция, онлайн-семинар – дистант-семинар, онлайн-урок – дистант-урок, онлайн-услуги – дистант-услуги, онлайн-формат – дистант-формат* и др.<sup>18</sup>

«Разнонаименования» язык получает и в случае неодинакового перевода английского термина. Например, сочетание *Fan ID* в русскоязычном дискурсе переводилось как *паспорт болельщика* и *карта болельщика* (документ, удостоверяющий личность болельщика, введен в РФ в 2022 г.).

Особый случай синонимии терминов ЦО представляют наименования одной и той же реалии, прямо и точно её не называющие. В терминоведении такие номинации считают терминами непрозрачной семантической структуры, «ложно ориентирующими» (Д.С. Лотте)<sup>19</sup>. В наших материалах к ним относится целая серия широко используемых (прежде всего в медиа) обозначений персональных данных человека, предназначенных для сбора и хранения, а значит, для использования, в цифровом формате. Именно это подразумевается, например, в таком заголовке: «*Цифровую личность каждому россиянину!*». Здесь следует заметить, что само по себе выражение *цифровая личность* используется как в медиа, так и в научном дискурсе неоднозначно: на рубеже XX–XXI веков оно употреблялось как синоним выражения *виртуальная личность* ‘устоявшийся, различаемый в Сети образ пользователя, целенаправленно создаваемый кем-либо в целях общения, творчества, самовыражения, бизнеса, игры’ [14, с. 161]. Последние приблизительно десять лет, ознаменовавшиеся появлением высокотехнологичных программ-ботов и внедрением их в различные сферы жизни в качестве альтернативы «живым» специалистам, выражение *цифровая личность* стало использоваться как субститут по отношению к словам и выражениям *бот, искусственный интеллект, (цифровой) аватар* или *цифровой двойник* [14, с. 160]. Но всё это скорее контекстуальные синонимы, к которым журналисты прибегают для привлечения внимания своей аудитории, разнообразия речи.

Возможно, с такими же стилистическими целями употребляют выражение *цифровая личность* и когда речь идёт о сборе, обработке, хранении и использовании персональных данных, в том числе биометрических, без согласия личности. Вот ещё несколько иллюстраций:

<sup>17</sup> Второй член каждой пары несколько шире по значению в сравнении с первым.

<sup>18</sup> Номинации с *дистант-* фиксирует «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» под редакцией М.Н. Приёмшевой (СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021).

<sup>19</sup> Вслед за Д.С. Лотте терминоведы рассматривают такие терминологические номинации в аспекте теории мотивации слова; см. об этом в [19, с. 21–23].



(14) С учетом давно реализуемых планов по уходу государства с рынка сбора и контроля персональных данных, такие «инновации» грозят кражей отдельных «**цифровых личностей**» россиян с непредсказуемыми последствиями» (Континенталист (continentalist.ru). 02.09.2022);

(15) «**Цифровую личность**» за копейки (заголовок; ComNews. 08.08.2021);

(16) Многие эксперты говорят, что **цифровая личность** человека в ближайшее время станет очень ценным товаром (VC.ru. 15.08.2022).

В этих и других подобных контекстах выражение *цифровая личность* предполагает следующий смысл: совокупность данных, хранящихся в Сети в цифровом формате и позволяющих специальным программам (алгоритмам) составлять представление об интересах, вкусах, предпочтениях, социальном статусе, материальном достатке и других подробностях жизни пользователя без его участия<sup>20</sup>. Причём этот же смысл имеют и другие непрямые номинации, как-то: *цифровой портрет личности* <школьника, ученика, ребёнка, туриста, пациента, семьи, налогоплательщика>; *электронное досье*; *цифровое портфолио*; *цифровой мониторинг*; *цифровые следы* [4]. Все они, как и *цифровая личность*, камуфлируют «неприятную» для пользователя информацию, о чём свидетельствует, например, такой, и далеко не единственный, пример:

(17) Помните, что абсолютно все, что мы делаем в интернете (посты, комментарии, лайки, голоса в поддержку петиций, покупки в интернет-магазинах или просмотры видео), оставляет **цифровые следы**. Любые действия фиксируются и образуют ваш **цифровой портрет**, по которому достаточно точно можно определить личность человека, его увлечения и прочее (Местное время (Нижевартовск). 20.12.2022).

Неоднозначным по семантике является и официальный термин *обезличенные персональные данные* (используется в документации Минцифры), который в свою очередь соотносится с термином *обезличивание персональных данных* (обработка данных, при которой информация о конкретном человеке в виде прямой идентификации удаляется). Как пишет газета «Известия»,

(18) ...использование **обезличенных персональных данных** позитивно для бизнеса, но несёт в себе риски для рядовых граждан (В Роскомнадзоре оценили использование обезличенных персональных данных. Известия. 23.07.2023).

Поясним. Под риском понимается вероятность установить личность даже после применения технологии обезличивания данных с помощью нейросети и других высокотехнологичных инструментов. Получается, что термин *обезличенные персональные данные* своего рода оксюморон: данные не должны быть «персональными» после их обезличивания.

На наш взгляд вся эта серия номинаций, связанная с использованием персональных данных, включая устоявшийся термин *утечка персональных данных*, прямо не называет процесс (ср. прямое обозначение *кража* в примере 14) и вуалирует важную для безопасности личности информацию, выступая в роли своеобразного идеологического эвфемизма. Уязвимый для граждан вопрос о границах свободы в эпоху цифровой трансформации жизни подаётся в маскирующих, преимущественно метафорических по природе своей словесных формулировках, не дающих возможность осознать как степень опасности со стороны новых технологий, так и степень ответственности государства в ситуации с сохранением персональных данных.

Резюмируя сказанное, отметим, что синонимия рассмотренных не прямых номинаций не желательна для функционирования терминологии, как и сами неточные и некорректные для адресата термины. Очевидно, лингвистической науке придётся ещё разбираться в вопросе строгости понятийного содержания терминов формирующейся терминологии ЦО<sup>21</sup>.

Обозначим ещё один языковой процесс, приводящий к созданию серии семантически эквивалентных терминологических номинаций.

<sup>20</sup> Данные, считываемые и обрабатываемые алгоритмами, включают не только то, что пользователь вводит в виде обязательных сведений о себе для авторизации в системе или регистрации на каком-либо сайте, но и то, что пользователь не сообщает, т.е. ту специфическую цифровую информацию, которая остаётся в Сети как факт его присутствия и деятельности, например поисковой [14, с. 162].

<sup>21</sup> См. критический лингвоментальный анализ терминов *искусственный интеллект*, *цифровая экономика*, *цифровая цивилизация* в исследованиях В.В. Волкова [9, 12, 13].



**Переименование.** Как показывает обзор научных работ (обнаруженных по поисковому запросу в Научной электронной библиотеке «eLIBRARY.RU»), термин *переименование* используется в подавляющем большинстве случаев в описании смены (замены) онимов, например топонимов типа *Нижний Новгород – Горький – Нижний Новгород*, а также обозначений каких-либо государственных институтов (*полиция – милиция – полиция*), т.е. и в том и в другом случае речь идёт о сфере языковой политики на уровне государства. Реже под переименованием понимается пейоративное обозначение объекта (при наличии нейтрального имени) как дискурсивный приём в медиа, в оппозиционной прессе [27, с. 417].

На наш взгляд, переименованием можно считать и процесс замены в публичном дискурсе каким-либо модным, актуальным «для текущего момента» словом уже имеющегося в языке обозначения, как например, словом *дистант-*, в большей степени отвечающим духу времени, было заменено слово *онлайн-* (см. примеры выше). Ещё более яркий пример – комбинаторная экспансия прилагательного *цифровой*. Так мы назвали широкие сочетаемостные возможности этого слова [2]. В наших материалах около 90% развёрнутых номинаций содержат именно этот терминологический элемент в качестве атрибута. Кроме того, он используется не только для создания новых номинаций – единственных обозначений объектов или понятий (*цифровой суверенитет, цифровая социализация*), но и для субституции, замещения других атрибутов в угоду «языковому вкусу эпохи», как дань моде, в результате чего появляются пары и ряды равнозначных обозначений. Ср., например, *цифровое правительство* и более раннее – *электронное правительство*; *цифровое государство* – *электронное государство*; *цифровая Россия* – *электронная Россия* (название федеральной целевой программы); *цифровая дипломатия* – *электронная дипломатия* и др. Наряду со словом *электронный*, замещаться могут и другие атрибутивные единицы, которые в последние десятилетия активно используются для создания составных номинаций виртуальных аналогов реального, физического мира, как то: *виртуальный, кибер-, интернет-, сетевой, онлайн-*. См.: *цифровые деньги* – *виртуальные деньги*, *цифровая безопасность* – *кибербезопасность*, *цифровая гигиена* – *кибергигиена*, *цифровая грамотность* – *киберграмотность*, *цифровые медиа* – *интернет-медиа*, *цифровое обучение* – *онлайн-обучение* – *интернет-обучение*, *цифровые речевые произведения* – *сетевые речевые произведения* и др.

В описываемом процессе переименования референта, номинации с *цифровой* представляются, очевидно, более современными, модными; это особые, **прагматически нагруженные синонимы**, появляющиеся в языке не в силу каких-то внутренних причин его развития, а вследствие действия экстралингвистических факторов (моды, официальной идеологии). Обращает на себя внимание и такое обстоятельство. Медиаисследования показывают, что «избыточная экспликация ключевых терминов» какого-либо направления, движения характерна для **идеологизированного дискурса** [27, с. 409]. Это положение подтверждает нашу точку зрения, согласно которой ключевые термины ЦО из технизмов трансформируются в идеологемы.

### Заключение

Итак, терминология ЦО в настоящее время активно формируется, причём источником её пополнения является не только научная сфера, но и официальный дискурс, а также СМИ, что объясняется актуальным характером данного пласта лексики как для отдельного гражданина, естественной средой которого становится техносфера, так и государства, ориентированного в условиях глобализации на дальнейшее её совершенствование и интеграцию с социальными институтами.

Создание терминологических номинаций, в большинстве своём представляющих раздельно-оформленные атрибутивные сочетания с терминологическим элементом *цифровой*, отчасти имеет стихийный характер. Это связано с теми условиями, в которых формируется терминология ЦО, а именно доминирование английской терминологии, откуда заимствуется тем или иным способом, включая



калькирование, значительная часть номинаций. Наличие в русском языке различных способов освоения иноязычного материала приводит к варьированию одного и того же языкового знака (варьируется фонемный состав, графический и орфографический облик), а также появлению дублетов (*виртуальный помощник – виртуальный ассистент*).

В то же время заметна проявляющаяся устойчиво в официальном дискурсе тенденция к единообразию в использовании ключевых терминов: *цифровой* вместо *дигитальный*; *цифровизация* – вместо *дигитализация*. В научном дискурсе, освещающем концепцию ЦО, разноречивое использование терминов, в том числе в процессе порождения новых терминологических единиц, пока ещё сохраняется.

Множественность номинаций одного и того же понятия характерна для периода становления любой терминологии. В этом процессе, однако, не желательны термины непрозрачной семантики, ложно ориентирующие. Исследование показало, что трудности вербализации фрагмента действительности, связанного с концепцией ЦО, вызывает неоднозначно интерпретируемая информация об опасностях и рисках цифровой трансформации жизни. В дальнейшем планируется выработать рекомендации по созданию и использованию правильно ориентирующих терминов.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крысин Л.П. «Свое» и «чужое» в терминологических системах // Материалы IV Междунар. симпозиума «Терминология и знание». М., 2014. С. 52–55.
2. Маринова Е.В. Русский язык цифрового общества: семантика, сочетаемость, прагматика ключевых слов // Русский язык за рубежом. 2023. №2. С. 24–28. DOI: 10.37632/PI.2023.297.2.005
3. Маринова Е.В. Семантическая структура прилагательного цифровой в русском языке XXI в.: проблема описания // Сб. тез. LI Междунар. науч. филологической конф. им. Л.А. Вербицкой. СПб., 2023. С. 1092–1093.
4. Маринова Е.В. Цифровой портрет и другие метафоры в русском языке Digital Society // Сб. науч. статей по материалам VII Междунар. научно-практ. конф. «Языковая политика и вопросы гуманитарного образования». Пенза, 2023. С. 5–7.
5. Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. №2. С. 112–129. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129
6. Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. От цифры к цифровому обществу // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. №6 (58). С. 1763–1771. DOI 10.35775/PSI.2020.58.6.008
7. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge, MA: Polity, 2017. 256 p.
8. Livingstone S. On the Mediation of Everything: ICA Presidential Address 2008 // Journal of Communication. 2009. Vol. 59. No. 1. Pp. 1–18. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2008.01401.x
9. Волков В.В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 745–759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759
10. Клементьева А.А. К вопросу о функционировании термина искусственный интеллект в современном научном и публицистическом дискурсе // Мир русского слова. 2022. № 4. С. 14–23. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-14-23
11. Алтухов А.В., Афинская З.Н. К вопросу о пластичности термина экосистема // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 109–116.
12. Волков В.В. «Цифровая экономика»: лингвистические и лингвоментальные аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 7. С. 135–139. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.24>
13. Волков В.В., Волкова Н.В. «Цифровая цивилизация»: утопия, антиутопия или симулякр? // Сб. материалов VII Междунар. научно-практ. конф. «Гуманитарное знание и духовная безопасность». Грозный – Махачкала, 2020. С. 67–72.



14. **Маринова Е.В.** Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 1. С. 151–169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169
15. **Глуценко О.А.** Репрезентация социального протеста в экспрессивной номинации (на примере названий сертификата о вакцинации от COVID-19 и QR-кода) // Казанская наука. 2022. № 1. С. 34–36.
16. **Шильникова И.С., Зайкова И.В., Пашкова И.В.** Термин digital в цифровом мире // Russian Linguistics Bulletin. 2020. № 2 (22). С. 16–20. DOI: <http://doi.org/10.1854/RULB.2020.22.2.28>
17. **Плотникова А.М.** Нейросеть как ключевое слово текущего момента // Филологический класс. 2023. Т. 28. № 2. С. 45–54.
18. **Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю.** Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
19. **Шелов С.Д., Лейчик В.М.** Терминология и профессиональная лексика: состав и функции. СПб.: СПбГУ, 2012. 96 с.
20. **Lakoff G., Johnson J.** *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 275 p.
21. **Кнорре Б.К., Мурашова А.А.** «В начале было Слово...», а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса // Мир России. 2021. Т. 30. № 2. С. 146–166. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-146-166
22. **Маринова Е.В.** Идея несвободы в новообразованиях русскоязычного антицифрового дискурса // Материалы Междунар. науч. форума «Медиа в современном мире. Петербургские чтения». СПб., 2023. Т. 1. С. 32–34.
23. **Лейчик В.М.** Лексическая вариантность и её разрешение в системе, норме и речи (на материале научно-технических и общественно-политических терминов) // Вариантность как свойство языковой системы. Ч. I. М., 1982. 146 с.
24. **Клушина Н.И.** Медиастилистика и эмотивная лингвистика // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. №1. С. 158–161.
25. **Карамалак О.А., Пожидаева Е.В.** Об устном, письменном и диджитал-языке с позиции биокогнитивизма в современном языкознании // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 38. С. 35–42.
26. **Маринова Е.В.** Синонимия и вариантность в лингвистической терминологии (на примере терминов морфемики и словообразования): Дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. н. ННГУ, 1998.
27. **Какорина Е.В.** Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 409–426.

## REFERENCES

- [1] **L.P. Krysin**, «Svoye» i «chuzhoje» v terminologicheskikh sistemakh [“Native” and “Foreign” in terminological systems], “Terminology and knowledge”. Proc. of the 4th Int. symposium. M., 2014. Pp. 52–55.
- [2] **E.V. Marinova**, The Russian language of the Digital Society: semantics, compatibility, pragmatics of keywords, *Russkiy yazyk za rubezhom*. 2 (2023) 24–28. DOI: 10.37632/PI.2023.297.2.005
- [3] **E.V. Marinova**, Semanticheskaya struktura prilagatel'nogo tsifrovoy v russkom yazyke XXI v.: problema opisaniya [Semantic structure of the adjective tsifrovoy in the Russian language of the XXI century: the problem of description], *Sb. tez. LI Mezhdunar. nauch. filologicheskoy konf. im. L.A. Verbitskoy* [The Book of Abstracts LI Ludmila Verbitskaya International Scientific Philological Conference], SPb., 2023. Pp. 1092–1093.
- [4] **E.V. Marinova**, Tsifrovoy portret i drugiye metafory v russkom yazyke Digital Society [Tsifrovoy portret and other metaphors in the Russian language of the Digital Society], *Sb. nauch. statey po materialam VII Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. «Yazykovaya politika i voprosy gumanitarnogo obrazovaniya»* [“Language Policy and Issues of Humanitarian Education”. Proc. of the International Scientific and Practical Conference], Penza, 2023. Pp. 5–7.



[5] **D.E. Dobrinskaya**, What is the Digital Society?, *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 12 (2) (2021) 112–129. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129

[6] **G.B. Pronchev, D.N. Monakhov**, From the digit to the Digital Society, *Voprosy politologii* [Political Science Issues], 10 (6) (58) (2020) 1763–1771. DOI 10.35775/PSI.2020.58.6.008

[7] **N. Couldry, A. Hepp**, *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge, MA: Polity, 2017.

[8] **S. Livingstone**, On the Mediation of Everything: ICA Presidential Address 2008, *Journal of Communication*. 59 (1) (2009) 1–18. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2008.01401.x

[9] **V.V. Volkov**, Artificial “intelligence” and the human mind: futuristic synecdoche and reality (linguistic and linguoamental aspects), *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4) (2020) 745–759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759

[10] **A.A. Klementyeva**, On the issue of the term *iskusstvenny intellekt* functioning in modern scientific and social-political discourse, *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 4 (2022) 14–23. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-14-23

[11] **A.V. Altukhov, Z.N. Afinskaya**, On plasticity of the term *ekosistema* [On the question of the plasticity of the term ecosystem], *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 3 (2021) 109–116.

[12] **V.V. Volkov**, “*Tsifrovaya ekonomika*”: linguistic and linguoamental aspects, *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (2020) 135–139. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.24>

[13] **V.V. Volkov, N.V. Volkova**, “*Tsifrovaya tsivilizatsiya*”: utopiya, antiutopiya ili simulyakr? [Digital civilization: utopia, dystopia, or simulacrum?], *Sb. materialov VII Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. «Gumanitarnoye znaniye i dukhovnaya bezopasnost»* [“Humanitarian knowledge and spiritual security”. Proc. 7th Int. Conf.], Groznyy – Makhachkala, 2020. Pp. 67–72.

[14] **Ye.V. Marinova**, Evolution of concept *Virtual Personality* in Digital age (a sociolinguistic study based on Russian texts), *Nauchnyy dialog*. 12 (1) (2023) 151–169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169

[15] **O.A. Glushchenko**, Representation of social protest in an expressive nomination (using the example of the names of the COVID-19 vaccination certificate and QR code), *Kazanskaya nauka*, 1 (2022) 34–36.

[16] **I.S. Shilnikova, I.V. Zaykova, I.V. Pashkova**, The term *digital* in digital environment, *Russian Linguistics Bulletin*, 2 (22) (2020) 16–20. DOI: <http://doi.org/10.1854/RULB.2020.22.2.28>

[17] **A.M. Plotnikova**, *Neuronet* as key word of the current moment, *Filologicheskiy klass*. 28 (2) (2023) 45–54.

[18] **B.N. Golovin, R.Yu. Kobrin**, *Lingvisticheskiye osnovy ucheniya o terminakh* [Linguistic foundations of the doctrine of terms], M.: Vysshaya shkola, 1987.

[19] **S.D. Shelov, V.M. Leychik**, *Terminologiya i professional'naya leksika: sostav i funktsii* [Terminologiya i professional'naya leksika: sostav i funktsii], SPb.: SPbGU, 2012.

[20] **G. Lakoff, J. Johnson**, *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

[21] **B.K. Knorre, A.A. Murashova**, In the beginning was the Word; will a number be in the end? Orthodoxy and anti-digital protest in Russia: from the 1990s to the Coronavirus, *Mir Rossii*, 30 (2) (2021) 146–166. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-146-166

[22] **E.V. Marinova**, *Ideya nesvobody v novoobrazovaniyakh russkoyazychnogo antitsifrovogo diskursa* [The idea of unfreedom in the new formations of Russian language antidigital discourse], “Media in contemporary world”. Proc. the Int. Scientific Forum, SPb., 1 (2020) 32–34.

[23] **V.M. Leychik**, *Leksicheskaya variantnost i yeye razresheniye v sisteme, norme i rechi (na materiale nauchno-tekhnicheskikh i obshchestvenno-politicheskikh terminov)* [Lexical variation and its resolution in the system, standard and speech (on the material of scientific-technical and socio-political terms)], *Variantnost kak svoystvo yazykovoy sistemy* [Variation as a property of language system], Part I. M., 1982.

[24] **N.I. Klushina**, *Mediastilistika i emotivnaya lingvistika*, *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta. Filologicheskiye nauki*, 1 (2019) 158–161.

[25] **O.A. Karamalak, E.V. Pozhidaeva**, On speech, written and digital language from biocognitivism in modern language studies, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 38 (2019) 35–42.

[26] **E.V. Marinova**, *Sinonimija i variantnost' v lingvisticheskoy terminologii (na primere terminov morfemiki i slovoobrazovaniya)* [Synonymy and variation in linguistic terminology (on the example of morphemic and word formation terms)], Nizhni Novgorod. NNGU. 1998.



[27] **E.V. Kakorina**, Stilisticheskiy oblik oppozitsionnoy pressy [The Stylistic Image of the Opposition Press], Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995) [The Russian Language of the Late 20th Century (1985–1995)], M.: Yazyki russkoy kultury, 2000. Pp. 409–426.

#### **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR**

**Маринова Елена Вячеславовна**

**Elena V. Marinova**

E-mail: [marinova@list.ru](mailto:marinova@list.ru)

<https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>

*Поступила: 25.07.2023; Одобрена: 22.08.2023; Принята: 21.09.2023.*

*Submitted: 25.07.2023; Approved: 22.08.2023; Accepted: 21.09.2023.*